

П. А. Марков

ПАРИЖСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

I

Август в Париже — мертвый театральный сезон. Парижане переселяются или на берег океана, или в тысячи маленьких пансионов, разбросанных по стране. В этом году тяга на отдых увеличилась еще и потому, что правительство народного фронта впервые предоставило служащим платный отпуск. Если бы не выставка, то центр Парижа совершенно бы опустел. Но выставка удержала многих парижан в столице; она привлекала сотни тысяч провинциалов и иностранных туристов; она продлила театральный сезон и создала новые типы театральных представлений, которыми в летнее время увлекаются во Франции. Да и сама она вечером прежде всего и преимущественно — яркое неожиданное зрелище, привлекающее внимание и вызывающее восхищение тысяч людей, бродящих по ее обширным просторам.

В это вечернее время, когда павильоны уже закрыты, она привлекает внимание не своей архитектурой, а прежде всего игрой света, на которую французы большие мастера. Свет играет вокруг Эйфелевой башни и огнями фейерверков меняет ее окраску. Свет причудливо окрашивает деревья; обращая их пыльную дневную зелень то в желтизну осенних листьев, то в яркую зелень весны, то в фантастические лиловые и фиолетовые листья. Сена бьет разноцветными фонтанами. По воде скользят катеры с разноцветными

Московский орден Ленина Художественный академический театр Союз ССР им. М. Горького в Париже. Встреча артистов МХАТ с коллективом парижского «Народного театра» после сотового представления «Матери» Горького (переделка Виктора Маргерита). На фото: Мари Кальф (исполнительница роли матери), Лезьер (директор и руководитель театра), Анри Кример (исполнитель роли Павла), П. А. Марков, В. Г. Сахновский, О. Я. Книппер-Чехова, К. Н. Епанская, М. М. Тарханов, В. Н. Васильевский, Анри Монш (старейший артист «Народного театра») и др.

фонарями. Огни реклам дрожат в вышине, как бы повиснув в воздухе. Весь Париж напоен этой игрой света.

На огромной площади Согласия снопы живого мягкого света падают из прожекторов на дворец и центральный фонтан, стоящий перед Тюильрийским замком. Французы любят эту игру света и достигли в ней великолепного мастерства.

На выставке, во Дворце электричества показывают световые декорации, мгновенно превращающие задник сцены из тропического леса в средневековый замок. Бурное море с мечущимися облаками превращается в современный город с высокими домами и широкими тротуарами.

На праздник в Версале собирается около 200 тысяч зрителей перед боковым крылом дворца, там, где бьет обширный фонтан Нептуна. На узких скамейках, на маленьких креслах и просто на траве терпеливо

сидят тысячи людей, приехавших из Парижа. Зрелище выходит на широкие просторы, покинув тесные здания, и представляет массовому зрителю новые неожиданные впечатления.

Над одним из бассейнов построена маленькая эстрада. Сперва на ней идут манерные и скучные танцы, стилизующие век Людовика XVI. Зрители выражают нетерпение, раздается смех, остроты, крики до тех пор, пока труппа Фуллер не сменяет пейзаж и маркизов. Те, кто видел «Дон-Кихота» в Большом театре, вероятно, помнят таец деревьев, построенный на широких взмахах плащей, которыми окутаны танцовщицы. Эти вихреобразные движения положены в основу танца Фуллер, в соединении со светом они дают неожиданный эффект. Фигурка танцовщицы, мечущейся в бурном танце, благодаря изменению света превращается в ярко-пламенный костер; он разгорается, вспыхивает, догасает и исчезает совершенно.

Но толпы собрались сюда не для того, чтобы смотреть на танцы знаменитой когда-то танцовщицы, они ожидают прежде всего ночного фейерверка.

Ночной праздник в Версале представляет собою действительно незабываемое зрелище: сперва вся система фонтанов окрашивается разнообразными яркими цветами, потом фейерверк рассыпается тройным рядом разноцветных люстр, которые огненными струями бороздят небо, валетают из-за парка и, описав параболу, исчезают в темноте. В небе возникает огненный бой. Ракеты летят друг на друга, сталкиваясь в небе, окрашивая его то золотом, то мрачным лиловым цветом, то радостной лазурью. Весь парк неожиданно вспыхивает огнем, а впереди, среди водяных фонтанов, возникают вдруг огненные фонтаны. Все кончается огненным водопадом, скрывающим за собой фонтан Нептуна.

Все зрелище занимает около де-

лущаса, но техника его великолепна.

Больше, чем когда-либо, французы увлекаются сейчас спектаклями под открытым небом и представлениями в больших масштабах. В большом дворце (выставочном помещении, оставшемся от предыдущей Всемирной парижской выставки) был организован так называемый цирк цирков, в котором на трех аренах одновременно шли изысканные цирковые представления с участием лучших цирковых артистов. В Оранже, на развалинах античного театра, французы пытаются возродить древнюю трагедию, и, наконец, в самом Париже, на площади Нотр-Дам, пользуясь фасадом Собора парижской богородицы, как декорацией, они разыгрывают «подлинную мистерию страстей господних». Это попытка возрождения средневекового театра, однако без соблюдения исторической точности и без той идейной направленности, которая когда-то, сотни лет тому назад, волновала и трогала зрителя. На огромных трибунах, построенных на площади, располагаются десятки тысяч зрителей. Представление лишь в самых общих чертах напоминает средневековье. Как и в средние века, направо расположен ад, из которого выскакивает, одетый в красное трико, то веселый, то страшный чорт; налево подражание старому витражу изображает рай. На фоне этого витража появляется красивая женщина, наряженная в блистательный костюм архангела Михаила. Посередке известные актеры французских театров разыгрывают — сцены везды в Иерусалим, тайной вечери, моления в Гефсиманском саду, предательства Иуды, Голгофы. Актеры

Окончание на 2 стр.

ПАРИЖСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Начало на 1-й стр.

играют в манере старой «Комеди Франсез». Они не говорят, а поют роли, и Иуда мечется по всей сцене в судорогах и мучениях, изображая самого страшного и жестокого злодея. Христос — очень известный актер Жувэ, выделяется среди остального ансамбля. Он играет в меру возможности просто, избегая ложной чувствительности, не притворяясь богом, а передавая образ человека, которого обманули, предали и казнили. Зритель взволнован не этим спектаклем, не балетной пляской чертей, не их визгом и хохотом, не монотонным спором архангела с дьяволом, а необычностью самой обстановки, далеким отзвуком руанских колоколов, передаваемых по радио, звуками великолепного органа, доносящимися из собора Парижской Богородицы, красотой фасада древнего дворца, возникающего из темноты и высвечиваемого кусками через прожектора и, наконец, простой игрой Жувэ.

Авторам этой постановки, несмотря на ее блеск, не удалось воскресить религиозных чувств в зрителях.

В конце концов это прежде всего зрелище, одно из таких зрелищ, которым дарит и оглушает приезжего зрителя Парижская выставка.

В театрах бульваров, между тем, продолжается прежняя, наладившаяся десятилетиями, театральная жизнь. Репертуар Пале-Рояля, Буффа Парижен не изменился за эти годы.

Театры играют свой прежний зимний репертуар, в котором жены обманывают мужей, мужья — жен, в котором всех принимают не за тех, кем они являются в действительности и в котором в последнем акте все распутывается к общему удовольствию. Играют эти фарсы и водевили в той легкой французской манере, которая отмечена остротой диалогов и безразличием к судьбам изображаемых людей. Актеры не дают себе труда беспокоиться за своих героев. Пьеса идет в сотый или двухсотый раз, они играют ее ежедневно в течение десяти раз (повторение вечернего спектакля в четверг, в субботу и воскресенье). Они прилежно повторяют свои шутки и приемы, и кажется, будто ни война, ни бурные политические события, ни вновь надвигающаяся на Францию угроза войны, ничто не тронуло этого застывшего царства. В пьесах осторожно вытравлены все намеки на современность; их действие могло бы также легко происходить 30 лет на-

зад, как и сейчас. В мюзик-холлах выступают все те же знаменитости — Мистангет, Морис Шевалье, Жозефина Беккер, попережнему десятки обнаженных герл танцуют перед зрителем, попережнему каждая картина является выставкой субсидированного спектакль модного магазина портных и портних. Причем, при чтении программы, до начала действия, вы знакомитесь с тем, что госпожа такая-то носит в жизни шляпы работы такой-то мастерской, а на сцене перчатки такой-то мастерской, а Шевалье дупитесь такими-то духами, а Жозефина Беккер избегает всех других чулок, кроме чулок такой-то фирмы.

Власть рекламы доходит до того, что в текст пьесы включается прославление той или иной фирмы. В Пале-Рояле во время спектакля фарса «Мадам со мной» на сцену, изображающую вокзальный буфет, входит молодой человек, не имеющий прямого отношения к действию, и спрашивает у официанта какой-нибудь аперитив. Официант мог ему порекомендовать только «Квин-квина Сен-Рафаэль». Действие идет своим чередом до тех пор, пока официант вновь не обращается к молодому человеку. Тот в ответ очень хвалит «Квин-квина Сен-Рафаэль», он никогда не будет пить другого аперитива. Об этом же аперитиве кричат рекламы, развешанные на декорациях. Он благодарит и вновь утверждает, уходя, что предложенный ему аперитив действительно незабываем. Вряд ли забудут его и зрители спектакля.

В «Казино де-Пари» разыгрывают небольшой скэтч — кто-то кого-то обманывает, не то муж жену, не то жена мужа, не то любовник жену. Один из мужчин должен покончить самоубийством. Он стреляет в себя и падает с криком «дю бон дьобонне». Это реклама одной из известнейших винных фирм Франции. Зал разражается хохотом и аплодисментами. Скэтч кончен, реклама делает свое дело.

В остальном эти мюзик-холльные представления наполнены рядом великодушных эксцентриков, мимистов, певцов и певиц и проникнуты эротикой, которая сквозит в каждом движении Жозефины Беккер и в каждой песенке Мистангет. Все «звезды» Мюзик-холла несомненно талантливы, они хорошие актеры и актрисы и техника сценария доведена до нужного для мюзик-холльного представления совершенства. В то же время зритель, уходя, не уносит ничего, кроме нескольких ослепительной яркости декораций и тонкости отдельных эксцентрических номеров.

Но театральная жизнь Франции была бы печальна, если бы ограничивалась только этими зрелищами и парадными представлениями. Уже давно в кругах передовой интеллигенции назревает протест против господствующего влияния театров бульваров и мюзик-холлов. Передовые художники не желают мириться с бессодержательностью спектакля и с бессмысленной роскошью представлений. Режиссеры Бати, Дюлен и Жувэ организовали свои театры, которые долгое время были только маленькими студиями, не влиявшими на общее течение театральной жизни Франции. Теперь время переменилось. Правительство народного фронта обратило внимание на театр. Оно поддерживает борьбу, которую ведут эти режиссеры против косности французского театра. Больше того, оно помогло наступлению этих режиссеров на цитадель классического французского театрального искусства — на Комеди Франсез, где сейчас проводится серьезная реформа. Вот эта сторона театральной жизни Франции представляет собою гораздо более глубокий интерес. О том, чем живут и волнуются передовые деятели театральной Франции, заботящиеся не о развлечении провинциалов и туристов, а о поддержке и развитии национального французского театра, — в следующий раз.

П. МАРКОВ